

СОВЕТСКИЙ ВЕК



ЗАПИСКИ АДВОКАТА

**ОРГАНИЗАЦИЯ
СОВЕТСКОГО СУДА В 20-30 ГОДЫ**

**Николай
Палибин**

Николай Владимирович Палибин
Записки адвоката.
Организация советского
суда в 20-30 годы
Серия «Советский век»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67951085

Записки адвоката. Организация советского суда в 20–30 годы: Родина;
Москва; 2022
ISBN 978-5-00180-630-1

Аннотация

До Октябрьской революции автор трудился адвокатом в Москве. В Первую мировую войну – поручик 2-й Гренадерской артиллерийской бригады. В августе 1918 года вступил в Добровольческую армию. Затем в СССР вынужден был жить по подложным документам, на имя Лопатина. С 1923 года – член коллегии защитников Кубанской области. В 1935 – „вычищен” и лишен возможности работать адвокатом.

Проработав адвокатом 13 лет и еще несколько лет юрисконсультom, автор видел все недостатки советского суда и мог сравнить его с тем, что было до революции. Как и другие современники и сегодняшние исследователи, Палибин отмечал

две самые острые проблемы советского суда 1920–30-х гг. – массовое взяточничество и политизированность, растущую и ставшую почти вездесущей в 1930-е гг.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1. Первые встречи	6
Глава 2. Облик судебных работников	16
Глава 3. Другие типы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Николай Владимирович
Палибин
Записки адвоката
Организация советского
суда в 20–30 годы**

*** * ***

© Палибин Н. А., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Глава 1. Первые встречи

Записки мои охватывают период с 1920 по 1935 годы. Местами я касаюсь и более позднего времени. В течение тринадцати лет я был тогда членом коллегии защитников в Кубанской области на Северном Кавказе, а остальное время – юрисконсультom различных хозяйственных организаций области. И поскольку вся судебная система и практика Советского Союза остались без изменений, я полагаю, что записки мои не будут лишены интереса, тем более что и на оккупированных территориях Восточной Европы вводится точно такая же система, будь то венгерский народный суд, польский военный трибунал или румынский верховный суд – от советского судопроизводства они существенно не отличаются, так как ссылок на буржуазные законодательства и на законы «свергнутых народом» правительств советская власть не допустит никогда. С уверенностью можно сказать, что если в оккупированных коммунистами государствах местная армия перестраивается по советскому образцу, хозяйственная система ставится на социалистические рельсы, политическая полиция напоминает советское НКВД, то советские кодексы просто переводятся на местный язык; и таким образом вводятся испытанные уже при строительстве социализма в СССР судебная система и практика.

Я не участвовал в громких столичных процессах. Я знал

о них только из газет. Но вся структура этих процессов, а главное – «подкладка» были мне известны. Я же видел, как преломляется советское законодательство в «низовке», т. е. в нашей обездоленной несчастной деревне, и ей, главным образом, посвящаются эти строки. Насколько позволяли силы и знания, я защищал людей, имевших несчастье попасть под колеса советского «правосудия». Перед моими глазами проходил «страшный суд» – перестройка деревни на социалистических началах; и мне, как защитнику, хотелось временно умереть вместе с моими клиентами.

Впервые юридическую «помощь» я оказал в 1920 году. В глухую станицу Старо-Джерелиевскую тайно ночью пришел отряд частей особого назначения (ЧОН) в количестве пятнадцати человек. Наутро председатель столичного Совета, бывший клоун бродячего цирка «Рыжий», алкоголик, созвал на площади митинг. С дощатой наскоро сколоченной трибуны он, охрипшим пьяным голосом, ораторствовал о власти Советов, о воле народа и о врагах нового строя, затем стал называть некоторые фамилии по списку и спрашивал собравшихся: «Хороший это человек? Кто „за“, подымите руку». В списке он делал отметки тем, за кого было подано много голосов.

Присутствующие не подозревали, что они выносят смертный приговор. Наоборот, после речи председателя, говорившего о врагах революции, им казалось, что чем больше они подымут рук, тем сильнее будет защита подозреваемого. Они

голосовали за честных порядочных людей, домовитых хозяев, тружеников-хлеборобов.

Через час после наступления темноты люди, получившие подавляющее большинство голосов, со связанными руками были заперты в сарае при станичном управлении. Я был в это время заведующим детским домом в этой станице. Я слышал, как ночью в отдельной хате, где помещалась наша кухня, кухарки и уборщицы, «красноармейские вдовушки», гуляли с бойцами ЧОНа и распевали пьяные песни. А в предрассветных сумерках двадцать один мужчина и четыре женщины были выведены за станицу и порублены шашками.

Наутро ко мне в детский дом привезли фуру «пожертвований» для детей, мужскую и женскую одежду, и сложили в кладовой. Вскоре явилось и несколько чоновцев, под тем предлогом, что хотели проверить, как содержатся дети. К этому времени весть об убийстве двадцати пяти человек уже облетела станицу, и дети смотрели на толпу вооруженных чоновцев, как испуганные овечки. Начальник чоновцев, выше среднего роста, широкий, черный как уголь, с волосами, растущими из носа и ушей, слепой на один глаз и со шрамом на лице, спросил меня: «Одежду получил?» Я ответил, что получил. Несколько мгновений длилось молчание. Вдруг один мальчуган сказал:

– Дядечка, а на одежде-то кровь...

– Молчи, дурак, это глина, а не кровь, – ответил чоновец. –

Пошли, товарищи!

И группа повалила на кухню опохмеляться.

Как адвокат по профессии, чем я мог помочь этим несчастным людям, схваченным злодеями, брошенным в сарай и затем казненным? Вся моя юридическая помощь выразилась в том, что я по тайной просьбе родственников ночью, за несколько часов до казни, просунул в сарай несколько листов писчей бумаги и карандаш, чтобы осужденные написали прошения, хотя и не было ясно, кому. И эта передача была самым рискованным предприятием за всю мою адвокатскую работу.

Я вспоминал в эту ночь дело об убийстве великого князя Сергея Александровича. Его убийцу, Каляева, в царском суде в сенате защищали публично два присяжных поверенных – Тесленко и Жданов. В порыве красноречия Тесленко, высокий красивый адвокат с наружностью русского боярина с картины Маковского, воскликнул: «Довольно лить кровь на весы правосудия, господа сенаторы!» Речи защитников длились не один час и были затем изданы отдельной брошюрой...

Я же не смел написать даже простого прошения. И кому писать, когда самогон решил уже все. Не знаю, что написали осужденные. Может быть, последнее «прости» жене, матери или детям. Может быть, они ждали рассвета в темном сарае, чтоб написать утром самому «товарищу Ленину», и провели ночь в мучительной тоске и думах.

И вот пролетарское правосудие свершилось. С гармошкой

и песнями чоновцы, лежа на подводах, уехали из станицы, гоня перед собой несколько голов крестьянского скота и овец. Это было «конфискованное» имущество казненных. Когда обоз проходил по станице, один из чоновцев, любивший играть на «скрипочке», остановил фуры и зашел к местному учителю, у которого была скрипка. Тот не хотел ни отдать, ни продать ее. Тогда любитель музыки убил из револьвера учителя и взял его скрипку. Обоз пошел еще веселее, с гармошкой, песнями и скрипкой.

Начиная свою повесть о советской судебной системе, я думаю, что не сделал ошибки, описав картину революционного суда. К сожалению, советское «правосудие» и сегодня остается точно таким, каким было вначале.

С начальником описанного мною отряда я встретился позднее в 1925 году, когда я был уже членом коллегии защитников – в эпоху расцвета НЭПа. Я был гражданским истцом от имени троих детей, а он – обвиняемым, подозреваемым в убийстве их матери. Дело слушалось в станице Петровской под председательством народного судьи Разумова. Обстоятельства дела были таковы. ЧОН был ликвидирован, но бойцы ЧОНа были разбросаны по станицам. Функции их никому не были известны, но чоновцы даже имели винтовки. В 1923 году в станице был украден у кого-то мешок пшеницы. Подозрение пало на одну вдову, мать троих детей. Поймав в степи дочку этой вдовы, бывший начальник чоновцев стал ее допрашивать. Та не созналась. Чоновец стал бить ее

кнутом, но признания так и не получил. Тогда он связал ее ноги возжами и опустил в степной колодец вниз головой, затем извлек ее оттуда, посиневшую, с рубцами от кнута на теле, и тут уже девочка «чистосердечно» призналась в краже и указала на мать. Сев на фуру, чоновец погнал в станицу и подъехал к хате подозреваемой. Та сидела на завалинке. Чоновец вскинул винтовку и выстрелил. Пуля попала в печень, и в страшных мучениях женщина на заходе солнца умерла. Две девочки, бывших дома, от ужаса спрятались в русской печи и закрылись заслонкой. Убийца произвел обыск в хате, но никаких следов кражи не обнаружил. Он добрался и до русской печи, вытащил оттуда обезумевших девочек, при допросе порвал на них одежду, вырвал часть волос, и девочки «сознались».

Это преступление было совершено не в эпоху военного коммунизма, а при НЭПе, но судебное расследование не начинали два года, так как обвиняемый был связан с ГПУ. По той же причине я и проиграл это дело. Как же суд вышел из положения?

В Уголовном кодексе РСФСР¹ есть статья 8-я, согласно которой суд может признать обвиняемого виновным, но наказанию не подвергать:

«Если конкретное действие, являющееся в

¹ Здесь и далее мы ссылаемся на кодексы с изменениями на 1 октября 1934 года, изданные Государственным издательством «Советское законодательство» (Москва, 1934).

момент совершения его... преступлением, к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно опасного вследствие ли изменения уголовного закона или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда к указанному моменту не может быть признано общественно опасным, действие это не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его».

Против этого закона нельзя спорить. Он разумен и логичен; и присяжные заседатели старого суда оправдали бы обвиняемого, если бы налицо были соответствующие закону обстоятельства. Но картина пыток и убийства были на суде установлены с полной точностью. Кроме того была приподнята завеса над прошлой жизнью и деятельностью обвиняемого. В старое время он был конокрадом. Где-то около города Ейска он был при погоне ранен казаками из дробового ружья в лицо, но сумел ускакать. Так он потерял глаз и получил шрамы. Выяснению этих обстоятельств советский судья всячески препятствовал не по-старому, а по-новому, советскому, принципу: «пойман, но не вор». Все же судья должен был признать, что обвиняемый пострадал от казаков, но «ложно». Суд применил указанную выше 8-ю статью и признал этого убийцу невинной женщины, истязателя детей и конокрада социально неопасным, а потому никакому наказанию не подверг. Так преломлялись советские законы в

жизни и в практике суда. Вот почему советскую теорию и философию права нужно изучать не по печатным кодексам, а именно по судебной практике.

Какова же была судьба моего судебного иска? Казалось бы, что раз обвиняемый был признан виновным, иск должен был быть удовлетворен. Но нет. Мне было предложено обратиться в тот же суд с тем же иском, но в общегражданском порядке, «для уточнения размеров иска», как было указано в приговоре суда. Так обычно делалось в больших делах, где требовались сложные расчеты, подчас экспертиза. Я был, конечно, возмущен этим приговором, но мне, как гражданскому истцу, был отрезан путь к обжалованию, так как в иске мне не было отказано. Вопросы же о виде, размерах и формах наказания – прерогатива государственной власти в лице прокурора; и гражданского истца эти вопросы не касаются. Прокурор в деле не участвовал. Когда по мнению прокурора нарушается «революционная законность», которую он считает нужным поддерживать, прокурор, утверждая обвинительное заключение, пишет: «Дело слушать в моем присутствии». Здесь же «революционная законность» нарушена, видимо, не была, и прокурор отсутствовал. Взволнованный этим бессудием до глубины души, я все же подал кассационную жалобу в Кубанский окружной суд (апелляционного обжалования в советском суде нет). Я ссылаясь на бюрократизм и волокиту в течение двух лет по столь очевидному делу об алиментах и коснулся существа приговора. Касса-

ционная коллегия определила: «Приговор утвердить и кассационную жалобу оставить без последствий, так как в деле не усматривается нарушения процессуальных норм. Что же касается применения статьи 8-й УК РСФСР, то внутреннее убеждение судей кассационной проверке не подлежит».

Итак, все было правильно, все по закону. Да, по закону, действительно, приговор был вынесен верно. А по существу это было издевательство. И народный суд, и кассационная инстанция знали о заинтересованности в этом деле ГПУ, и поэтому проигрыш его истцами был обеспечен. А мои доверители, опасаясь оставшегося на свободе убийцы, отказались от дальнейшего ведения дела.

Это было в расцвет эпохи НЭПа, когда уже появились печатные кодексы и, казалось, должна была установиться законность. Но с развитием и углублением социализма все кодексы советских законов вместе с различными принципиальными установками, придающими им внешне серьезный юридический смысл, очень быстро отмирали, и на их место приходил, например, утвержденный Сталиным Колхозный устав и уголовный прецедент с дополнениями, новеллами и разъяснениями: «что-почем». Хозяйственная и экономическая жизнь страны, находящаяся всецело в руках производственных и торгующих государственных и лжекооперативных организаций, постепенно стала регулироваться циркулярами, инструкциями и ведомственными распоряжениями; и ссылаться где-нибудь в арбитраже, разбирающем спор

между двумя организациями, на Гражданский кодекс считалось неприличным. Население, конечно, видело все это бесправие, но жаловаться было некому. «Эх, было бы мне идти с Антоном Ивановичем, да уж теперь поздно», – эта фраза вырвалась у секретаря Курджипского станичного Совета, бывшего красного партизана эпохи гражданской войны, когда народный судья дал ему три года тюрьмы за незначительную ссору с председателем Совета, членом партии. Антоном Ивановичем был, разумеется, генерал Деникин.

Это было время, когда уже начались гонения на красных партизан за то, что они имели слишком много прав и слишком много говорили. В ходу была их летучая фраза: «За что боролись, на то и напоролись». Их «народный герой», казак станицы Полтавской – Ковтюх, описанный Серафимовичем в книге «Железный поток», был расстрелян, хотя и был командиром дивизии. Сословие красных партизан было упразднено, а красные книжки – отобраны. Это произошло примерно тогда же, когда было ликвидировано и общество бывших политкаторжан. И остались просто каторжники, в руках которых сосредоточилось «мирное строительство» социализма.

Глава 2. Облик судебных работников

Прежде чем начать рассказывать о советских судебных работниках, мне хочется вспомнить одного из «государственных деятелей». Это был председатель станичного Совета станицы Славянской, представлявший в своем лице высшую государственную власть в селе. В той же станице в должности следователя по уголовным делам работал один из дореволюционных судебных следователей Донской области. По какому-то делу ему нужно было допросить в качестве свидетеля председателя местного Совета Майского. Он послал ему повестку, и на следующий день к следователю пришел одетый в высокие сапоги, синие «галихве» с красными донскими лампасами, в заливчатской донской смушковой шапке с красным верхом и в пиджаке Майский.

В старое время в Донской области как-то орудовала шайка «степных дьяволов». Они нападали на хутора, вырезали целые семьи, поджигали пятки свечкой, выпытывая деньги. Они были переловлены, осуждены и получили каторгу.

Следователь сразу узнал вошедшего. Это был один из главарей шайки, которого он допрашивал в свое время. Тот его тоже узнал, но вида они не подали. Правда, следователь на следующий день «заболел» и перевелся в другое место.

В античном мире богиня правосудия изображалась с повязкой на глазах и с весами в руках. Это была эмблема беспристрастия: не видя истца и ответчика, она присуждала тому, чьи доказательства были весомее. У советской Фемиды повязка снята, но весы остались: она смотрит, кто больше даст. За всю свою двадцатитрехлетнюю работу в СССР я не видел ни одного судебного работника, который бы не брал или которому нельзя было бы дать в том или ином виде. Может быть, такие были, не спорю, но я могу говорить только о том, что знаю.

В советском судебном мире бывают периодически совещания судебных работников: закрытые – только для партийных, и открытые – на которые приглашаются или, правильнее сказать, вызываются и адвокаты, большей частью беспартийные. На совещаниях обсуждают новые декреты, вопросы пропаганды советского права среди населения, но главным образом – критикуют адвокатуру за неправильное с точки зрения прокуратуры ведение дел. Обычно высказывается такая мысль: «Адвокат – это помощник суда». Под этим подразумевается, что он должен помогать суду изобличать обвиняемого. Возражение адвокатуры, что работа ее «функциональна», что в задачу адвоката входит собирание и представление суду материалов и соображений, только устраняющих вину или смягчающих ее, – встречает резкий отпор и обвинение в буржуазном уклоне. Заканчивается это обычно упреками в том, что адвокатура берет слишком высокие го-

норары.

И вот на одном таком совещании при краевом суде в Ростове-на-Дону с ответной речью выступил бывший присяжный поверенный Шик, человек уже в годах, с импозантной фигурой и бритым лицом, напоминающим римского патриция, прекрасный и смелый оратор с большой эрудицией, человек неподкупной политической честности. Он смолот партийных недоучек в порошок, а отвечая на упреки о высоких гонорарах, сказал:

– Вы упрекаете нас в том, что мы дорого обходимся населению. Но как же я могу взять высокий гонорар, когда ко мне приходит клиент-крестьянин, я назначаю ему плату в сто рублей, а он спрашивает: «Как это сто рублей, с гарантией?» Я объясняю ему, как крестьянину, что своевременно вспашу, посею доброкачественным зерном, и за этот труд я беру с него сто рублей. Клиент мне отвечает: «Это дорого, сто рублей и без гарантии, когда мне обещал за пятьдесят рублей и с гарантией сам судья».

Таким образом обвинение во взяточничестве было брошено публично.

Я называю этого смелого благородного борца за правду по имени, так как он, участвуя в больших процессах и спасая своих клиентов от смерти, погиб во время специальной адвокатской чистки в 1935 году. Много было вырвано тогда из наших рядов самых талантливых и честных.

Несколько случаев лихоимства мне хотелось бы описать

подробно. Взять хотя бы народного судью Черкезова. Был он, должно быть, бывший полковой писарь, по крайней мере не выше писаря штаба дивизии военного времени. Кабинет его помещался в одном дворе с его квартирой и с квартирой его секретаря. Это было подворье, отнятое у какого-то казака. Входит в его кабинет адвокат:

– Петр Иванович, завтра слушается дело Костомарова. Как вы на это смотрите?

– А ты сколько взял за защиту?

– Ну, сколько бы я ни взял, а вы сколько возьмете?

Судья заламывает сумму, превышающую гонорар адвоката. Тот восклицает:

– Помилуйте, не могу же я свои доплачивать?

– Ну, как хочешь, тогда буду судить по закону.

В это время судья вскакивает и подбегает к окну:

– Смотри, смотри, опять к нему понесли!

Адвокат смотрит и видит, что какая-то женщина несет в кошелке живого гуся на квартиру секретаря:

– Это, кажется, жена Антипова. Завтра же назначу его дело к слушанию, он у меня теперь не вывернется.

Но вот входит в кабинет судьи цыган (они частенько носят фамилию «Мирошниченко», а имя – «Максим»). Улики налицо: он был задержан с краденой лошадей на ярмарке. Хотя цыган и уверял, что в сущности не он украл лошадь, а она его, так как он по ошибке сел на нее, а она как сумасшедшая помчалась, скакала 35 верст и остановилась у яр-

марки, – ввиду публичности разбора дела адвокаты не могли гарантировать цыгану оправдания, и он пошел по совету добрых людей к самому судье.

О чем они говорили – осталось неизвестным, так как разговаривали они наедине. Но на следующее утро, когда в суд явились судья и секретарь, было обнаружено, что одного шкафа с делами на месте не оказалось. Шкаф был небольшой, жиденький, отнятый у какого-то крестьянина. Был составлен протокол о краже шкафа из народного суда. В протоколе указывалось, что «злоумышленники» проникли в здание через незапертое окно и в него же вытащили шкаф. По следам колес и подковам лошадей было установлено, в какую сторону уехали похитители, а дальше на главной дороге все следы смешались. Пропало около ста дел, в том числе и дело цыгана. Если бы было уничтожено только дело цыгана, его можно было бы восстановить путем передопроса потерпевшего и свидетелей. Восстановить же сотню дел было невозможно. При уничтожении одного дела могло пасть подозрение на секретаря или судью. Здесь же все было чисто.

Но дела Костомарова и Антипова не пропали. Они были переложены почему-то в другой шкаф. Позже похищенный обгорелый шкаф с пеплом от дел был обнаружен в глухом месте за станицей. Протокол о вещественных доказательствах был приобщен к делу «о неизвестных злоумышленниках», сданному в архив.

Еще один народный судья, Разумов, в дальнейшем полу-

чивший повышение и должность члена краевого Краснодарского суда. Плюгавенький человечико, где-то учившийся, облик мелкого мещанина, и, конечно же, член партии.

Я никогда не давал взятку ни судье, ни следователю, ни прокурору. Для меня было унижительным входить в какие-либо сделки с людьми, которых я презирал. Давая взятку, «лиходатель» должен и сам испытывать то моральное падение, до которого дошел «лихоимец». Я проигрывал большие дела, бледный и взволнованный приходил домой, мне стоило огромного труда проводить эти дела в дальнейших инстанциях. А вот судья Разумов был на откупу у одного из адвокатов. Как-то в беседе с этим коллегой у нас завязался о том разговор. Он мне сказал:

– Ты просто дурак. Ты доказываешь этим бандитам, что существуют какие-то моральные принципы, идеи справедливости, ссылаешься на законы, на решения Верховного суда, рассыпаешь бисер ораторского искусства перед этими свиньями (между прочим, он сам был интересным оратором с хорошим мужицким стилем). Значит, ты относишься с уважением к советскому судебному институту и к власти и взываешь к каким-то моральным убеждениям этих негодяев. А я делаю так, как поступает человек, которого разбойники поймали ночью на большой дороге, связанного приволокли в лес к костру атамана: «Кошелек или жизнь?». Я отдаю кошелек. Представь себе, сменится власть, кто может мне поставить в вину, что я откупался от бандитов, а на тебя, пожа-

луй, посмотрят косо. Ты подумай, сколько большевики выиграли на честности интеллигенции, которую они заставили на себя работать, а затем расстреляли. Все эти офицеры, инженеры, доктора, агрономы, бывшие судебные работники в силу своей духовной честности работали добросовестно и укрепляли этим советскую власть, а затем по миновании надобности их выводили время от времени в расход. Так стадо барашек стригут, доят, делают из молока брынзу, а затем под нож. Баранину все же едят, а эти пошли как объекты террора для устрашения «неустойчивого элемента», т. е. пошли в навоз для удобрения почвы советской власти. Они думали или, правильнее считать, обманывали себя и утешали тем, что служат народу, науке и прочей чепухе, какая бы при этом ни была власть. А вот я разлагаю советский аппарат.

Как-то мы сидели с ним в отдельном кабинете сельского духана. Откуда ни возьмись, явился судья Разумов. По окончании «трапезы» мой коллега приказал принести две бутылки водки навынос, т. е. нераскупоренные, и передал их судье: одну, видимо, от себя, другую – от меня. Тот каким-то быстрым, воровским приемом сунул их под рубашку, как мышь юркнул в дверь и скрылся. Ни за что он, конечно, не платил. Я много видел за свою судебную деятельность разных преступных типов. И мне показалось по тому, как Разумов быстро и незаметно спрятал водку, что в прошлом он был мелким воришкой и юридическое образование получил в тюрьме.

Коллега мой окончил юридический факультет в старое

время. Два раза его «брало» ГПУ и два раза его «спасал» генерал Покровский. Дело в том, что в дни революции мой коллега был председателем «комитета иногородних», находившегося в резкой оппозиции к казакам. Когда станицу занял генерал Покровский с казаками, тот спрятался у местного священника. И теперь, в ГПУ, мой коллега ссылался на то, что пострадал от Покровского (и потому считал его своим спасителем и лучшим генералом Белой армии). В третий раз не выручил даже Покровский, и мой коллега погиб в застенках. Я не называю его фамилию, так как у него осталась семья.

Народный судья Рязанов брал только крупные взятки, но был опасным человеком, так как мог, взявши взятку, «засыпать», если взятка оказывалась маленькой. Это было известно в адвокатской «семье». Зато «свой парень в доску» был народный судья станицы Крымской Гофман. Этот не брезговал ничем, брал театральными билетами, коврами, водкой, угощениями и, конечно, деньгами. Гофман даже конкурировал с адвокатами и сам писал «за вознаграждение» кассационные жалобы на свои решения и приговоры. Был он героем гражданской войны и, потеряв ногу выше колена, ходил на одном костыле. А больше о нем известно ничего не было. Если решить дело в пользу лиходателя было чересчур уж нахально, он решал «по закону», но указывал, кому нужно дать в Краевом суде, чтобы отменить решение в кассационном порядке. Его примеру подражали и два следователя, причем

один дошел до того, что по делу о фальшивых деньгах освободил настоящего обвиняемого, а машинку для печатания денег, найденную у него, приобщил к делу другого человека.

Читатель может спросить, откуда мне все это известно, ведь взятка дело тайное. Был такой анекдот. Идет один казак на базар и встречает кума: «Кум, я чув ты был в суде? Ну, як судья?» Тот отвечает: «О, судья добрый человек». «А що таке?» «Бере», – следует ответ. Когда судья берет непосредственно с тяжущих, он рискует разглашением тайны на базаре. Но когда ему дает адвокат, часто без ведома клиента, тайна сохраняется, и она известна нам лишь в адвокатском кругу из «душевных разговоров». Поэтому я пишу только о том и о тех, о ком имею право писать, не о подозреваемых, а о виновных во взяточничестве.

Кроме того, народный судья Гофман, два следователя, два адвоката и секретари были привлечены к суду. Процесс продолжался двадцать один день. Но дело кончилось почти впустую. Суд учел пролетарское происхождение Гофмана, его заслуги перед революцией, и он, как главный виновник, получил два года. Остальные – меньше двух лет. Судил Гофмана Краевой суд, может быть, в составе тех самых судей, к которым восходили решенные «по закону» его дела для кассационного рассмотрения.

Член Краевого суда Раевский. На его совести были сотни расстрелов. Как и большинство членов краевых судов, он был бывшим сотрудником НКВД. В торжественной об-

становке, насколько это возможно при убожестве советской действительности, открывается заседание выездной сессии Краснодарского краевого суда на сцене местного станичного театра. Выходит состав суда во главе с Раевским. Важность у него необычайная. Бритое круглое лицо, одет в серый довольно приличный костюм и белую косоворотку (был циркуляр по линии наркомюста, чтоб судьи были прилично и с достоинством одеты, как подобает «советскому судье»). Вводят под конвоем обвиняемых, хуторян-хлеборобов – мужа, жену и двух их соседей. Защищает обвиняемых приехавший вместе с судом из Краснодара адвокат Г-ко.

Сущность дела была такова. У обвиняемых, мужа и жены, работала батрачка-работница. Уходя, при расчете, она украла и унесла с собой юбку хозяйки. Дело было в воскресенье. Два соседа приехали в ту пору в гости к мужу и жене, гуляли и выпивали с хозяевами, когда те обнаружили пропажу. Тут же была организована погоня за воровкой. Из сорока лошадей, бывших у хозяина, были выбраны две лучшие, и один из гостей вместе с хозяином помчались по степи так, что пыль закурилась. Вскоре они привезли воровку с юбкой. По данным обвинительного заключения, когда женщину снимали с подвод, у нее изо рта пузырилась розовая пена. Здесь же перед хатой ее привязали к плетню, как привязывают дохлую ворону на огороде: одна нога была выше другой. Затем гости и хозяева пошли к столу продолжать выпивку и, выходя время от времени из-за стола, подходили к

привязанной и били ее чем попало: колом, выдернутым из плетня, кирпичом, бутылкой или ногами. Судебно-медицинская экспертиза гласила: тело покрыто ссадинами и кровоподтеками, при вскрытии обнаружено повреждение легких, плевры; черепная коробка имеет трещину; смерть последовала от кровоизлияния в мозг.

Судья Раевский вел допрос с большой важностью, строгостью и придирчивостью. Он старательно выяснял обстоятельства дела: кто привязал, кто бросил бутылкой, кто бил сапогом, кто кирпичом. Но никак ему не удавалось установить, кто расколол череп, так как никто из обвиняемых в этом не сознавался, а свидетелей, которые присутствовали бы в этот момент, не было. Тогда судья Раевский вынес такой приговор: «Именем РСФСР выездная сессия Краснодарского краевого суда, заслушав в открытом судебном заседании дело по обвинению по ст. 17 и 142 УК РСФСР и принимая во внимание, что смерть последовала от кровоизлияния в мозг из-за трещины в черепе, между тем как судом установлено, что обвиняемый Иванов (муж) бил только голой рукой по лицу, что обвиняемая Иванова (жена) ударила палкой по плечу, что обвиняемый Петров бросил только бутылкой, а Сидоров – ударил сапогом, что суду при самом тщательном разборе дела не удалось установить, кто нанес удар по голове, в результате которого треснул череп и последовало кровоизлияние в мозг, Краснодарский краевой суд приговорил признать всех обвиняемых виновными по ст. 146 УК

РСФСР и в качестве меры социальной защиты подвергнуть их принудительным работам сроком: Ивановых (мужа и жену) на шесть месяцев, а Петрова и Сидорова – на три месяца каждого. Ввиду того, что обвиняемые находятся под стражей два месяца, зачесть им один день содержания под стражей за три дня принудительных работ и из-под стражи немедленно освободить».

Обвинение было предъявлено правильно, по ст. 142 УК РСФСР, которая говорит о тяжких телесных повреждениях, в результате которых следует смерть. Это квалифицированное убийство, соединенное с истязаниями и мучениями. Кроме того, там же была добавлена и ст. 17 УК РСФСР, также правильно; она говорит о соучастии нескольких лиц в одном преступлении. Так или иначе, смерть последовала, и в силу ст. 17 УК РСФСР все преступники отвечали солидарно за убийство. Переход к ст. 146, как это сделал судья Раевский, был недопустим, так как эта статья говорила о «побоях», не опасных для здоровья и жизни (два соседа поругались и один другого побил). А «вывезли» обвиняемых десять лошадей, данных в виде взятки.

Дня через два я встретил в станице своего приятеля адвоката. Он мне рассказал, что, возвращаясь поздно домой, видел, как приезжий защитник, проводивший и выигравший дело, выходил с заднего крыльца «духана», бережно поддерживая под руки члена Краевого суда Раевского. Оба они, сильно покачиваясь, скрылись в глухой темной улице стани-

цы.

Я лично проиграл дело у того же Раевского в ту же сессию. Мой клиент обвинялся в убийстве из дробового ружья через окно. У него действительно был дробовик, но при обыске оказалось, что ствол чист. Следователь решил, что обвиняемый его вычистил, и в основу обвинения была положена «экспертиза». Следователь взял дробь номер 5, зарядил ею ружье обвиняемого и выстрелил в кирпичную стену. Собрав затем с земли деформированную дробь, он сличил ее с дробью, извлеченной из стен хаты и тела убитого, и сделал вывод, что преступление совершено из ружья обвиняемого. Я доказывал, что эксперт должен быть независимым. Раевский грубо меня прервал и к следующему делу даже не допустил, вопреки закону о том, что обвиняемый может иметь защитника по своему выбору. После всего этого я понял, что Раевский не только берет, но и вымогает от защитника взятки путем нажима и незаконного ограничения прав защиты.

Взятки при этом не в одной лишь глуши были обычным явлением. То же самое происходило и в крупных городах. Так, народный судья 4-го участка Екатеринодара (Краснодара) Данилов брал деньгами, водкой, хорошо очищенным самогоном, продуктами, а с женщин – натурой. Защитник В., красный партизан гражданской войны, решил его изобличить. Но обвинение во взяточничестве опасно тем, что может повлечь встречное обвинение в ложном доносе по ст. 95 УК РСФСР. Так оно и случилось, тем более что два следо-

вателя, допрашивавшие свидетелей, указанных защитником В., прибегали при допросе к помощи наганов, и свидетели отказались от всего им известного.

Кроме того, председатель Краснодарского краевого суда вызвал к себе в кабинет защитника В., запер на ключ дверь и, сев за письменный стол, выдвинул боковой ящик. Это всегда так делалось, для убедительности (дверь на замке, а в ящике револьвер): «Как ты смеешь марать нашего судью, члена партии, да я тебя...» – дальше следовала брань. Дело дошло до того, что председатель выхватил револьвер, а защитник схватил со стола чернильницу, бросил в белый костюм председателя, воспользовавшись растерянностью залитого чернилами председателя, выпрыгнул в окно и отправился на телеграф посылать телеграмму прокурору республики: «Прошу немедленно прислать следователя по важнейшим делам».

Приехал следователь. До его приезда защитник В. скрывался. Следователь, просмотрев производство по делу, тоже стал склоняться к «ложному доносу». Тогда защитник В. принес ему альбом с фотографиями входной двери дома, где жил судья Данилов. (Защитник жил напротив.) «Почему эта женщина выходит из дверей дома судьи, когда она живет совершенно в другом месте? Фамилия ее такая-то, и ее дело, за номером таким-то, о варке самогона находится в народном суде 4-го участка. А этот мужчина, входящий в дверь, обвиняется в растрате. Номер его дела такой-то. Еще двое мужчин. Их дело тоже в народном суде. И еще одна женщина, с

делом за номером таким-то...»

Теперь уже колесо завертелось в обратную сторону. Председатель был переведен на ту же должность, кажется, в Томск или Омск. Защитник В., впрочем, тоже скоро куда-то переехал, и о нем больше ничего не было слышно. Судья был предан суду и осужден на четыре года. Но такие как он и в местах заключения, и в концлагерях, как бывшие судебные работники и члены партии, занимают привилегированное положение, тем более что они «бытовики», а не «политические». Зачастую они получают оружие и командные должности, продолжают вымогать взятки с заключенных или просто крадут посылки.

Сколько же просидит этот судья в тюрьме? Во-первых, ему, как бытовика, будут зачтены два дня за три, во-вторых, просидев половину этого сокращенного срока, он будет освобожден по условно-досрочному освобождению. Итого получается максимум 16 месяцев, а то и меньше, если он своим жестоким отношением к другим заключенным заслужит особое расположение начальства.

Глава 3. Другие типы

Идеи правды и добра – слишком абстрактные понятия для судебных работников советской юстиции, которые проводят в жизнь директивы партии или так называемую «судебную политику», проявляя при этом максимум подхалимажа и шкурничества, но вместе с тем «рвут» там, где можно, и усердно служат богам Госспирту и Пищевкусу. Взятка вообще предрасполагает к «роскошному» образу жизни, а роскошь, в понятии некультурного человека, это водка. Судья Черкезов просто «не просыхал» и утверждал, что без водки у него не работает «пищеварение». Разумов всегда требовал додачи в виде бутылки. Раевского волок под руки из трактира защитник. Гофман устраивал пьяные оргии. Народный судья гор. Краснодара брал даже самогоном.

На судью Колина секретарь выливал ведро холодной воды перед разбором дел, чтобы привести его в чувство. Еще один судья, Николенко, запирался с секретарем в кабинете, и они проводили там целые сутки, не уходили домой спать, отменяли судебные заседания. Приехавшие десятки подвод из соседних станиц уезжали обратно, а наутро уборщица мыла полы и убирала нечистоты. И эти два алкоголика вершили суд и расправу в нашей станице в течение девяти месяцев, пока их не перевели в другое место. Судью Кондратьева неоднократно пьяного убирали с улицы, так как он спал где-

нибудь на тротуаре. И это был народный судья 1-го участка областного города, имевший заслуги перед революцией, орден Красного знамени и звание старого заслуженного партизана.

Такого пьянства, как в СССР, я не видел ни в Азии, ни в Европе, ни в Америке. А главное, я нигде не встречал, чтобы за лишний кусок съеденного хлеба правительство штрафовало, а за пьянство – выдавало премию. При перерасходе хлеботоргующими организациями муки сверх утвержденного плана организации уплачивают штраф. При перевыполнении плана по продаже водки они получают премию-бонус. Госспирт омывает берега Румынии, Венгрии, Польши, докатывается даже до Америки. Пищевкус же бедный: он ютится в артелях, носящих его имя, в разных харчевнях и обжорках советского «общественного питания». Если у Посейдона в руках трезубец, которым он пронзает служителя своего культа, и от удара живительная влага растекается по всем жилам, в особенности если человек пьет одним залпом «командировочную», т. е. чайный стакан, то у Пищевкуса в одной руке корочка черного хлеба, а в другой – соленый огурец...

Не могу все же не упомянуть о судьях-«бессеребряниках», но спешу оговориться. Они рады были бы взять, но никто им не давал, так как это было совершенно бесполезно. Например, судья Федорова. Это была партийная дура с судебной нагрузкой по партийной линии. Она, видимо, чему-то училась, на каком-нибудь рабфаке, вступила в пар-

тию. Ходила в черном платье с кружевами. Будучи совершенно неграмотной и невежественной в судебном деле, она «зарылась» окончательно в юридических вопросах и судебных производствах. Дело дошло до того, что она не успевала выходить из своего судебного кабинета, а потому завела какое-то грязное ведро, и кабинет время от времени запирался. Ведро накрывалось какой-нибудь перепиской и ставилось в шкаф. Присутствие его, конечно, весьма ощущалось посетителями.

Федорова затягивала разборы дел до невероятности. Суд, не закончив, обычно, всех назначенных к слушанию дел, расходился, когда начинался в станице утренний базар. Вела она дела скучно, монотонно, и часа в два или три ночи уже все засыпали. Спала и публика, дожидаясь своего дела, кто на лавке, кто на полу. Засыпали народные заседатели, склонив голову на стол. Заснул однажды и прокурор. Не спала только Федорова, мучавшая допросами свидетеля, дремавшего и едва стоявшего на ногах. Временами она начинала с ожесточением чесать пятерней то голову, то различные части тела, так как ее заедали вши.

Я подошел к прокурору и разбудил его. Он сказал: «Я вопросов не имею», – и склонил опять голову. За что же ей было «давать», когда она писала такое в своих решениях и приговорах, что ни в какие ворота не влезало, а лучше она написать не могла. И это было не в начале революции, а в тридцатые годы, т. е. уже после создания собственных про-

летарских кадров интеллигенции.

Следующий «бессеребренник» – судья Михайлик, мальчишка 22–23 лет. Я приехал к нему по делу в станицу Тульскую в 1935 году. В суде заканчивался ремонт полов. Я обратил внимание на то, что они какие-то мозаичные. Всмотревшись, я увидел, что в дело пошли большие и малые иконы, может быть – местного храма, а может быть – и церквей соседних станиц. На этом мозаичном полу около кабинета судьи лежал какой-то человек, исхудалый обессиливший крестьянин. Возле него стояло двое часовых. Судья спокойно перешагнул через него и вошел в свой кабинет. Лежавший на полу недобитый в коллективизацию классовый враг обвинялся по ст. 61 УК РСФСР в неуплате налога и несдаче 50 пудов хлеба государству. Часовые подняли его под руки и посадили на скамью подсудимых. Начался суд.

– Что вы имеете сказать в своем последнем слове? Что вы просите у суда? – спросил Михайлик у обвиняемого.

Обвиняемый поднял глаза к небу и ответил:

– У суда я ничего не прошу, а у Господа Бога прошу смерти...

Суд удалился на совещание для вынесения приговора. В это время застучали опять молотки плотников, загонявших гвозди в иконы.

От местных защитников я узнал, что они не выступают в суде, так как это совершенно бесполезно. Зато они выигрывают все дела в кассационной инстанции, так как ни одно ре-

шение или приговор не утверждаются в силу своей глупости, малограмотности и бессвязности. Между тем судья дважды оканчивал юридические курсы в Ростове-на-Дону. И защитники говорили о нем: «Это наш подлец и кормилец».

Всмотревшись в лицо обвиняемого, я узнал его. Как-то я пробирался пешком из хутора Романовского (ныне город Кропоткин) домой. После коллективизации все «опешили» ввиду массовой гибели лошадей. Ездили только «головки» и уполномоченные разных мастей. Я присел отдохнуть под большой придорожной вербой. Вскоре ко мне подошел какой-то благообразный старик, рослый, с красивой седой бородой, и с ним мальчик-подросток. Одеты они были очень бедно. Разговорились. Кругом ни души, одна степь с жидкой колхозной пшеницей да жаворонки в небе.

– Разве у меня пшеница была такая? Сейчас они объявили борьбу за 100-пудовый урожай, а у меня по 250 пудов родила. И пшеница-то была – стекло, и тяжелая, как золото, и цветом на него похожая. А у них пухлая да рыхлая, с бурьяном пополам.

– А помногу вы сеяли? – спросил я.

– Помногу. Приходилось сеять и по 300, и по 400 десятин. Пять сыновей у меня было да пять невесток. Да мы с женой. Бывало, как выйдем пахать – двадцать пар волов, не налюбуеться. В Ставропольщине там быки красные, и рога в разные стороны, круторогие. А у нас – нет. У нас были серые, рога по козлиному, вверх. А большие быки, как гора, и

идут нога в ногу, как солдаты, сытые, здоровые. А в колхозе нынче что? Бык, бедняга, лежит и не может даже голову поднять, наголодался за зиму. А его из база за хвост тянут – план пахоты выполнять.

– А где же ваши сыновья нынче, в колхозе?

– Нет, отделил я их, стали они сами хозяйствовать. Старший помер. Увидел он из хаты через окошко, что его быков уводят в колхоз, как закричит: «Повели, повели!» Упал на пол и больше не встал. А остальных хозяин забрал на работу.

– Какой хозяин?

– А что ж, разве вы не знаете, у нас теперь один хозяин, что в Москве живет. Попали в первую же высылку.

– А это ваш внучек с вами?

– Нет, работник у меня был, Федор. Хороший был человек. Я его тоже отделил, как сына, худобу дал, лесу на хату, оженил, гуртом пособили ему построиться, гуртом же запахали и засеяли на первый год. Пропал он из-за крыши. Цинковую крышу ему захотелось на хату. Это Федор в мою честь захотел: пусть, мол, люди видят, как работники от добрых хозяев отходят. Так вот эта крыша станичному Совету понадобилась – колхозный амбаришко покрыть. Мои попали в первую высылку как кулаки, а он – во вторую как подкулачник. А крыша-то по мирным ценам всего 36 рублей стоила. Я амбар свой крыл, знаю. Жена Федора в то время была в положении. Как стали их тащить из хаты да пихать на подводы, ей нехорошо сделалось. А в это время снег да дождь, укрыться

нечем. Наскочили они враз, список у них секретный. Одну хату проходят, в другую ломятся. Все обшаривают, золото в крестьянских сундуках ищут, подушки, перины переворачивают. Борщ из печки вытащили и по полу разлили. Ругаются. Вскинули беременную на подводу, успел ее Федор кожухом прикрыть, а себя с сыном – дерюжкой. В это время стали детей тащить из соседней хаты. Суматоха, дети кричат, старуха Емельяновна обхватила руками столб на дворе, не идет, упирается, ее бьют по рукам, чем ни попадя, а из хаты пихают хозяина и хозяйку взашей... А я тут же стою, не попал в список. Федор поднял дерюжку и говорит мне: «Василий Иванович, были вы мне отцом, будьте теперь моему сыну дедом». А сам плачет. «Возьмите Петруньку, пропадет он вместе с нами, жалко сына». В это время подсказывает «активист»: «Куда ты, паскуда кулацкая, с подводы слезишь?» А Федор говорит: «Да это не мой сын, это парнишка со стариком ведра чинить к нам приходили, парня и схватили в суматохе». Отказался, бедняга, от сына. В это время подводы тронулись на станцию железной дороги. «Прощай, мамка, прощайте, папаня!» «Прощай, сынок!» Только и всего. Вот я и взял его за руку, и пошли мы по станицам кормиться: «Корыта, ведра починяем!» А то мышеловки делаем, тогда на базаре кричим: «Кому крыса, мыша надоела?!» У меня и патент на ремесло есть. Без этого нельзя, а то фининспектор на базаре схватит. Я и налог плачу за свою работу.

– А хозяйство ваше, земля? – спросил я.

– Все бросил. Пахать-то чем? Была лошадь, и ту отняли. Жена умерла. Задания дают и по пахоте, и по хлебозаготовке, и по сельскохозяйственному налогу, и по самооблогу, и по займу.

То был тип «беглого крестьянина». Но власть настигла его. Землю бросать нельзя: коллективизация земли имеет свои законы, она превращает вольного хлебопашца в раба. Его поймали и предали суду за невыполнение государственных заданий. Бесплатная земля обходилась не дешевле платной. Теперь это знал любой колхозник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.